

Тур де Франс Их Италия

Германская
головоломка
видеокнига
полная версия!

Владимир
ПОЗНЕР

Иван УРГАНТ

Владимир Владимирович Познер

Тур де Франс. Их Италия (сборник)

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8716091

Тур де Франс. Их Италия: АСТ; М.; 2014

ISBN 978-5-17-084509-5

Аннотация

Владимир Познер – неутомимый путешественник приглашает вас в удивительное путешествие по Европе. Все самое интересное и вкусное о Франции, стране, которая невероятно близка нам по духу. Французская кухня и вина, кино и женщины, замки и рыбацкие деревушки. Вы узнаете о самых колоритных традициях и о том, что же такое сегодняшняя Франция. Говорят, быть французом – значит защищать свое искусство жить. Так оно и есть... Чтобы понять людей, культуру, традиции и кухню одной из самых притягательных стран мира Владимир Познер поговорил с 15 знаменитыми итальянцами, причем всем задал два вопроса: «Представьте себе, что я могу поехать только в единственное место в Италии, – куда мне отправиться?» и «Если бы я смог съесть только одно итальянское блюдо, то каким бы оно было и где его лучше всего готовят?» Эти ответы, на наш взгляд,

позволят узнать об Италии больше, чем все путеводители вместе
взятые! *DVD прилагается только к печатному изданию.*

Содержание

Тур де Франс	6
Что-то вроде предисловия	7
Глава 1	33
Глава 2	66
Глава 3	115
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Владимир Познер

Тур де Франс. Их Италия

© Познер В. В., 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Тур де Франс
Путешествие по Франции
с Иваном Ургантом

Что-то вроде предисловия

Когда в 2006 году я и мои товарищи приступали к подготовительной работе по съемкам фильма «Одноэтажная Америка», я не знал ровно ничего. Получится или не получится? Покажут или не покажут? Буду ли доволен результатом я сам?

Фильм вышел на экране Первого канала в 2008 году и прошел с большим успехом, хотя приняли его далеко не все. Мои коллеги по Академии российского телевидения возможным не только наградить эту работу, но даже выдвинуть ее в состав трех финалистов, претендовавших на ТЭФИ. Но была и радость: фильм был удостоен НИКИ Киноакадемии.

И все же одного тогда я не знал. Я не знал, что сам процесс создания документального фильма – это нечто, похожее на наркотик. Ты сам не замечаешь, как медленно-медленно западаешь на это, как оно исподтишка забирает тебя. И вот, когда все было позади, когда жизнь вновь вошла в привычное русло, я стал испытывать какой-то дискомфорт. Я понял, что мне чего-то не хватает.

Помню, однажды Белла Ахмадулина назвала свою работу «сладостной мукой». Так можно сказать о любом творчестве. В том мука, что, как бы ты ни старался, ты никогда не достигнешь того, к чему стремился; сладость же – в самом стремлении. Испытав однажды это чувство, ты вновь и вновь

ищешь встречи с ним.

Документальный фильм «Тур де Франс» не планировался: уж больно тяжело далась «Одноэтажная...», слишком уж много она забрала сил. Но сколько было радости, сколько было счастья!

Был, конечно, и еще один момент. Для меня работа над «Одноэтажной...» была своего рода «трудом любовным». И не только потому, что Америка для меня родная страна, нежно любимая. И не только потому, что мне так хотелось показать россиянам *мою* Америку, столь разительно отличающуюся от той, которую обычно показывают по нашему телевидению, которую описывают на страницах газет, журналов и книг, которую иные шельмуют с эстрады. Но еще и потому, что я давно, почти тридцать лет, мечтал повторить путешествие Ильи Ильфа и Евгения Петрова, авторов одной из лучших книг, когда-либо написанных об этой стране, «Одноэтажной Америки».

Но ведь родился-то я не в Америке, а во Франции! Моя мать была француженкой, дома мы говорили только по-французски, да и весь уклад был французским. Я люблю Францию ничуть не меньше, чем Америку, и пусть в России антиамериканизма на порядок больше, чем франкофобии, мне было важно средствами документального кино заставить российского зрителя увидеть Францию не внутри ходульной схемы «бонжур-тужур-лямур», а реальной, прекрасной и желанной.

Сейчас, когда я пишу эти слова, фильм находится в стадии монтажа. И я вновь не знаю – получится или нет? Но вы, взяв в руки эту книгу, уже знаете ответ на этот вопрос. И значит, вам виднее.

Последует ли за «Туром...» еще один фильм?

Кто знает?..

QUI ИЗ КТО И КТО ИЗ QUI

Все понимают, что фильм – это дело коллективное. Авторы книг считают необходимым предварять свои произведения благодарственным списком, иногда коротким, а чаще очень нудным и длинным. Я неизменно задаюсь вопросом, читая перечисления этих фамилий: а кто это, а кто этот имярек? Как он или, может, она выглядит? Какой у него или у нее характер? А ведь это несправедливо: если человек так сильно помог тебе, что ты счел необходимым публично и печатно признаться в этом, то можно было бы и рассказать о нем чуть-чуть.

Одному, будь ты хоть семи пядей во лбу, кино не сделать. Поэтому я хочу представить вам, читателям, всю нашу команду в алфавитном порядке. И представить не в виде списка фамилий, которые никому ничего не скажут, а как реальных людей. Итак...

Олег БРАУН – водитель второй части поездки (сентябрь

– октябрь 2009 г.). Сам из Воронежа, музыкант, то ли басист, то ли ударник – не помню. Там познакомился с французенкой. Поженились, переехали во Францию. Сделал своей жене четырех сыновей. Поскольку она работала, а он – нет, был домохозяином. Человек немногословный, курящий, рукастый, услужливый, читающий. Не очень общительный. Вроде как непьющий. Не проявлял почти никакого интереса к тому, что мы делали. Когда мы уходили на съемки, все время оставался в машине, хотя его звали. Внешне довольно симпатичный – высокий, хорошо сложен, брюнет. У нас содалось впечатление, будто за все время поездки не сменил ни брюк, ни обуви, ни рубашки. Может, у него было несколько совершенно одинаковых комплектов. В работе безотказен и точен. Фамилия Браун – от поволжских немцев-предков.

Робен ДИМЭ (**DIMET Robin**) – француз; небольшого роста, худой, шатен, носит бородку и очки. Мой персональный крест. В «Одноэтажной...» в качестве «американского голоса» фигурировал мой друг Брайан Кан. Он не говорил по-русски, что не имело значения, поскольку Ваня Ургант прилично говорит по-английски и еще лучше понимает его. Зато Брайан *говорит*. Много. И толково. Но Ургант по-французски не говорит и ни слова не понимает. Значит, мне нужен был «французский голос», который мог бы по-русски высказывать «французский взгляд» по тому или иному поводу. Еще на раннем, подготовительном этапе я ездил в Париж, чтобы подобрать этот «французский, но говорящий по-рус-

ски голос». В этом мне помогала жена Олега Брауна Элизабет Браун, работавшая в организации «Франскюльтур». Элизабет, кстати говоря, прекрасно говорит по-русски. И при этом совершенно очаровательна: иссиня-черные волосы, матово-белая кожа, тонкие черты лица, изящна, умна, остроумна – словом, прелесть. Но Элизабет никак не могла отлучаться из дома на два месяца, что требовалось от «французского голоса». И вот в одном полузальчике гостиницы «Риц», что стоит на Вандомской площади, она устроила мне собеседование и прослушивание кандидатов на «французский голос». И из всех я выбрал Робена. Как это получилось – ума не приложу! То ли мне показалось, что он прилично говорит по-русски, то ли меня пленило то, что он сам начинающий кинодокументалист и к тому же успел снять одну картину, то ли... не знаю. Словом, выбрал – на свою голову. Во-первых, оказалось, что он очень плохо говорит по-русски, настолько плохо, что не способен выразить даже самую скудную свою мысль. Во-вторых, и мыслей особых я у него не обнаружил. Ни по одному из обсуждаемых или увиденных нами предметов у Робена не было никакой точки зрения. В общем, мы расстались с ним на половине пути. Не то что без сожалений – с облегчением!

Анна КОЛЕСНИКОВА, линейный, а затем исполнительный продюсер. Попробуйте представить себе женщину лет двадцати восьми, высокого модельного роста, с хорошей фигурой. Представили? Пошли дальше: волосы темные, кудря-

вые, обычно в лирическом беспорядке, темные брови на довольно бледном лице, карие глаза. Есть? Далее: сочные и обычно смеющиеся губы. И слова сыплются, почти никогда не останавливаясь. Аня Колесникова умеет говорить не только на выдохе, но и на вдохе, да на такой скорости, что диву даешься. При этом, как правило, говорит толково, выдавая эрудицию, юмор и ум. Точна, ответственна. Если поймана на ошибке, будет выкручиваться до последнего, но поняв, что не выкрутилась, потупит очи долу и скажет: «Извините, я постараюсь это исправить».

И еще: Аня одевается... как бы это вам сказать? Слово «мало» не слишком подходит, но все-таки оставим так: Аня одевается мало. Понятное дело, наши съемки проходили в основном летом, было жарко, все мы одевались легко. А Аня одевалась мало. Как хотите, так и думайте. Работала же она много и хорошо, почему и выросла от продюсера линейного до продюсера исполнительного. Да, если вы этого еще не поняли, добавлю: очень хороша собой.

Владимир КОНОНЫХИН. Член нашей «американской» команды, о котором в книжке «Одноэтажная Америка» я написал: «Человек поразительного спокойствия, молчаливый, от которого веяло необыкновенно приятной уверенностью. Все, что он делал, делалось точно и надежно. Невысокого роста, чуть полноватый, Кононыхин был всеобщим любимцем. Именно он придумал, как крепить камеры на кузов нашего джипа на хитроумных присосках так, чтобы на любой

скорости и при любых погодных условиях они стояли столь же твердо и незыблемо, как Гибралтар». Добавить к этому нечего. Каким он был, таким остался. Работать с таким человеком – сплошное удовольствие. Совершенно русский во всем, кроме одного: никогда не жалуется, никогда не говорит «нет», не пьет и всегда в хорошем настроении.

Салман МУРТАЛАЗИЕВ. Водитель первой половины нашей поездки – с мая по июль 2009 г. Чеченец, проживающий во Франции вот уже восемь лет. В группе ощущался явный дефицит французского языка, которым владели только Аня (хорошо), Маша (средне) да я, а потом присоединившийся к нам Олег. Нам необходим был водитель, говорящий по-французски. Салмана нам порекомендовала Маша Нестеренко. Человек безотказный, приветливый, старательный. И какой-то неприметный. Мне даже трудно вспомнить, как он выглядел. Роста среднего, худощавый, лысоватый. Лицо... незапоминающееся. Должен был присоединиться к нам и во второй части поездки, но исчез. Звонили ему на все известные нам телефоны, но безуспешно: телефоны молчали. Исчез. Может быть, это было связано с тем, что мы расстались с Машей?

*Иван Ургант, Владимир Познер и дамы их сердец –
Наталия Кикнадзе и Надежда Соловьева*

Мария НЕСТЕРЕНКО. Исполнительный продюсер в первой половине нашей поездки, с которой ни у меня, ни у съемочной группы в целом не сложились отношения. Этим ограничусь.

Юрий ОДНОПОЗОВ. Вот о ком можно было бы написать отдельную главу! Он возник по рекомендации Валерия Спирина, режиссера фильма «Одноэтажная Америка», который,

к нашему большому сожалению, с нами поехать не смог. Итак: роста он среднего, телосложения плотного. Крупная голова с редующими черными волосами. Мощные надбровные дуги, из-под которых внимательно и чуть насмешливо смотрят черные глаза. Лицо приятное, с четкими, хотя и не крупными чертами. Прелестная, хотя появляется она редко, улыбка. Говорит Юра мало, к тому же говорит не столько словами, сколько руками. Пытается жестами прояснить смысл сказанного. Например, вот он машет руками: «Ну, надо... это... довести, чтобы...» – и не просто машет, руки у него в это время плывут по воздуху, как бы описывая, что стоит за этим маловразумительным предложением. Вегетарианец. Лучше помрет от голода, нежели съест что-нибудь животного происхождения. В случае необходимости может работать круглосуточно. О том, как одевается Юра, хочется сказать отдельно. Обычная его форма во Франции была такой: рваные джинсы, кроки фиолетового цвета, расписной T-Shirt. Эти предметы не снимались никогда. Шли ли съемки в театре, в здании Национальной ассамблеи Франции – это было неважно. И еще: Юра совершенно неконфликтный человек, всегда старается найти общий язык со всеми, никогда не повышает голос. И наконец, превосходный режиссер. Но при всем при этом, «вещь в себе», человек, живущий сугубо по собственным стандартам. Вы бы назвали своего сына Будимиром? А он назвал. Что будет с мальчиком, когда он пойдет в школу, даже боюсь подумать. И еще: над Юрой много

шутили, в ответ на что он мягко улыбался, и только. Упрям до умопомрачения.

Евгений ПЕРЕСЛАВЦЕВ, оператор. Точнее сказать, оператор-разведчик. Где бы и когда бы мы ни снимали, не было такого случая, чтобы Женя не исчез в поисках чего-нибудь особенного. Операторам вообще свойственно лезть туда, куда не рекомендуется, но Женя даже среди операторов слыл бы рискантом. Я бы выделил его косу и любовь демонстрировать свой оголенный и весьма мускулистый торс. Женя, как и все операторы, чуть ироничен, абсолютно убежден, что разбирается во всем лучше всех, и потому категоричен в суждениях. И работает как зверь.

Надежда СОЛОВЬЕВА. Генеральный продюсер, без которой не было бы ни «Одноэтажной...», ни этого фильма. Была с нами лишь урывками, поскольку по работе должна была уезжать в Москву. Но дух ее витал над нами постоянно, поскольку ожидали ее приездов с душевным трепетом, смысл которого можно разъяснить гоголевским «К нам едет ревизор!». Надежда Юрьевна человек легкий, общительный и веселый, но если вы допустили какие-то оплошности в работе, за которую в итоге отвечает она, вас ожидает пренеприятный разговор. Из него вы узнаете массу любопытных вещей о себе – вещей, о которых вы сами и не догадывались.

Ирина ТИХОНОВА, администратор второй части поездки. Фамилия очень соответствует человеку: тихая, маленькая, худенькая, делала свое дело без лишних слов. И усколь-

зающая, в частности, из моей зрительной памяти. Есть такие люди – ускользающие.

Станислав ТОЛСТИКОВ, звукорежиссер. Фамилии своей он совершенно не соответствует: более худого человека я в жизни не видел. Не телосложение, а теловычитание. В своем деле совершенный профессионал, но при этом абсолютно не назойливый. Сочетал предельную вежливость с неуступчивой требовательностью во всем, что касалось его работы. Кроме того, часто бывает так, что профессионал интересуется только своим делом, его больше ничего не волнует, а Стаса всегда отличало любопытство, о чем бы ни шла речь. Не было французского блюда, которое он бы ни попробовал, не было сыра или вина, мимо которого он прошел бы равнодушно. Человек, как мне показалось, с врожденным вкусом.

Однопозов, Кононыхин, звукооператор Станислав Толстиков и Черняев – одна из многих трапез

*Ответственный продюсер Мария Нестеренко,
Мурталазиев и Анна Колесникова*

Наша группа: Переславцев, Кононыхин, Ургант, я, Однопозов, Толстиков, Жанин Маркудзи (наш гид), Робен Димэ (наш не слишком удавшийся «французский голос»)

Черняев пьет пиво. И это в стране лучших вин в мире!

Малоодетая Аня

Станислав Толстиков. Видимо, очень собой доволен

Володя Кононыхин. Мастер на все руки

Черняев в Альпах

Ирина Тихонова. И вправду тихая и очень ответственная

Устали...

Иван УРГАНТ, соведущий. Об Иване много писать не буду. Он, пожалуй, стал самым узнаваемым и популярным человеком на российском телевидении, так что вам всем он хорошо известен. Скажу только, что он мой близкий друг, с которым и в американской, и во французской поездках я работал с наслаждением.

Владислав ЧЕРНЯЕВ, оператор-постановщик. Он тоже из «американской команды». В той книжке я написал: «Опера-

торы – народ особый. Они, как правило, все видели и все знают. Прежде всего они знают, что самое главное – это картинка, то есть то, что они считают нужным снимать. Все остальное – это так, антураж». Как и в Штатах, Влад в течение всей поездки щеголял в каких-то полушортах, драных майках и сандалиях, которые явно видели лучшие дни. Человек неутомимый, требовательный, на все имеющий свой взгляд и свое мнение. Тоже, как и Переславцев, любитель ходить с голым и вполне привлекательным торсом.

Артем ШЕЙНИН, линейный продюсер. Кличка – Сержант. На самом деле гораздо больше, чем линейный продюсер. Был приглашен во вторую часть поездки на место Нестеренко с тем, чтобы навести порядок в несколько разболтавшейся группе. И навел. Я работаю с Артемом вот уже около десяти лет в программах «Времена» и «Познер». На фильме «Одноэтажная...» тоже были вместе, поэтому вновь процитирую книжку: «Невысокого роста, но весьма плотного телосложения, казалось, что Артем, подобно танку, может без особых усилий пройти сквозь каменную стену... Бывший афганец, служивший в десантных войсках, бритоголовый Артем Шейнин наводил военный порядок среди нашего разношерстного контингента». Шейнин превосходно владеет английским и, узнав, что едет во Францию, усиленно стал учить французский. Стал довольно сносно объясняться за необыкновенно короткий срок. Совершенно потряс меня однажды, когда мы оказались в винном подвале: за одним из

столиков сидела группа японцев, и Артем стал издавать какие-то японоподобные звуки. Я решил, что он сошел с ума и дразнит представителей Страны восходящего солнца. Не тут-то было! Оказалось, Артем говорит по-японски, чем потряс как японцев, так и всю съемочную группу!

Что ж, теперь, познакомив вас с нашей командой, приглашаю в путь, но с важной оговоркой: когда мы ехали по Америке, мы следовали маршрутом Ильфа и Петрова, повторяли их путешествие 1935–36-х годов. Они были нашими гидами. Поэтому не удивительно, что и книжка, вышедшая вслед за фильмом, строго придерживалась этого путешествия. Во Франции же у нас не было такого «путеводителя», нам самим надо было решать, куда едем и главное – зачем. Составляя план нашего тура¹, я исходил из того, в какой степени тот или иной город, тот или иной регион может помочь главному: раскрыть Францию и французов для российского зрителя. Но в этом случае совершенно не имела значения последовательность, в которой мы посещали различные места. Важным было то, в какой степени это место может приблизить нас к поставленной цели.

Так не удивляйтесь тому, что эта книжка построена без хронологического соответствия нашему путешествию. Здесь каждая глава посвящена не месту, а теме, раскрытие которой должно открыть для вас, читателей, нечто такое, без чего

¹ На карте Франции (см. вклейку) отмечены все пункты нашего тура.

невозможно понять и почувствовать Францию и французов.

Итак, объяснив идею и принцип этой книги, приглашаю вас совершить с нами тур – не вальса, а по Франции. За мной, друзья, за мной!

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ С РАЗЪЯСНЕНИЕМ

Эта книжка состоит из двух частей: собственно книжки и дневника, который я вел во время поездки, хотя и не слишком аккуратно. Книжка – это впечатления, рассуждения, обобщения. Дневник – это дневник, где поездка изложена в хронологическом порядке. Хотелось бы думать, что они дополняют друг друга. Что читать первым – не берусь сказать, оставляю это на ваше усмотрение.

И последнее. Дневник представлен вашему вниманию точно таким, как он был написан – без каких-либо поправок, украшений и тому подобное. Возможно, стоило бы пожертвовать подлинностью ради литературного выигрыша, но делать этого я не стал. Быть может, напрасно...

Глава 1

Замки Луары

Нет, не передать словами красоту замков долины Луары! Ни фотографиями не передать, ни киносъемкой. В голову приходят всякого рода сравнения, вроде «музыка в камне», уже набившие оскомину. На самом деле и они мало что передают.

В первый раз я увидел эти творения суровой зимой 1979 года – года для меня особого, когда после многолетнего, в полжизни, перерыва мне было разрешено выехать из Советского Союза на мою родину. Той зимой во Франции ударили вполне русские морозы. Ртуть в термометрах опустилась до двадцати градусов ниже ноля, и страна замерзла. Вспоминались слова: «что русскому хорошо, то немцу смерть». Только «немцем» в этом случае были французы: насмерть замерзали не только клошары, не только бездомные, умирали даже в квартирах, стены которых покрывались тонким слоем наледи. Умирали не столько от реального холода, сколько от убеждения, что при таких морозах люди не живут...

Вместе с друзьями, французской супружеской парой, я поехал в долину главной французской реки Луары. Для французов она имеет такое же значение, как Волга для русских. Именно в ее долине выросли – и никто не может объяснить почему! – эти знаменитые замки, числом чуть более сорока. Некоторые из них возникли еще в раннем Средневековье и не раз были перестроены, другие – и таких большинство – были творениями Возрождения. И все они – гро-

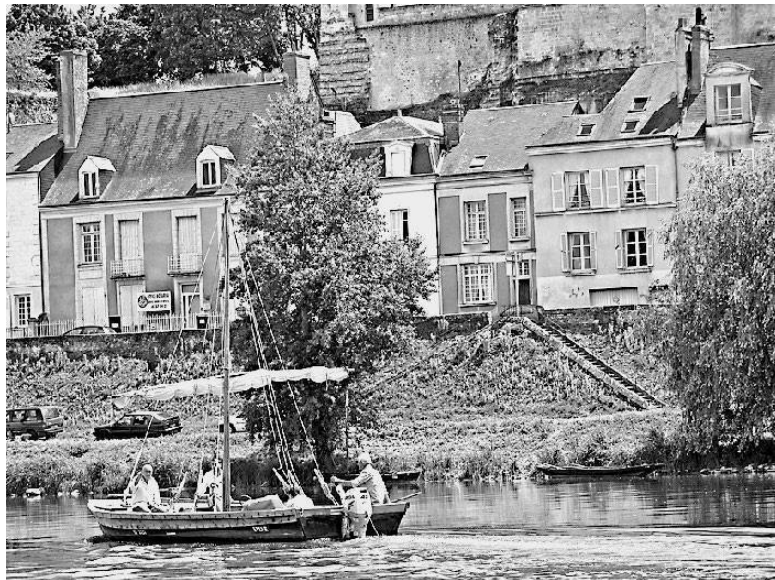
мадные, но изящные, великолепные, но простые – стоят как живые памятники французской истории. Написал, и захотелось уточнить: они просты, как просты стихи Пушкина, в которых нет и намека на вычурность, из которых не вынуть ни одного слова. И здесь каждый камень на месте, не прибавить, не убавить.

Ехали мы на стареньком «Ситроене», и километрах в сорока от Парижа отказала печка. Сказать, что мы замерзли, значит не сказать ничего. Только и мечталось о том, как обогреться – пока перед нами не возник замок Шенонсо. Возник как видение и почему-то в первый миг заставил меня подумать о миражах в пустыне. Но то был не мираж, то было гениальное творение архитекторов, оставивших о себе вечную память.

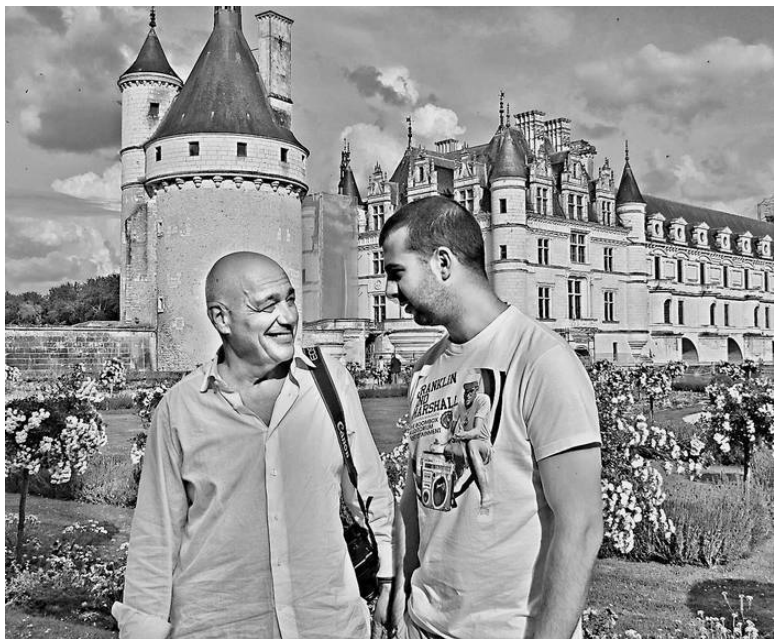
Приближаясь к Шенонсо, я думал о том далеком времени, когда люди строили так, будто перед ними вечность – да, собственно, так оно и было. Вспомнил звонницу Джотто во Флоренции: мастер спроектировал ее, видел начало ее строительства, но не дожил до его завершения. Но знал Джотто, точно знал, что он-то себя увековечил в камне. И что человек замрет, лишившись слов, перед этим творением, что он почувствует, если вообще способен чувствовать, и восторг, и благодарность, и гордость. Потому что звонница эта как бы говорит ему: вот, человек, на что ты способен, вот для чего тебе дана душа, дан мозг, вот кто ты есть в твоём лучшем проявлении.

Я пытался представить себе, о чем думали те сотни, если не тысячи, людей, которые строили Шенонсо. И вспомнил было о моем коллеге-журналисте, который в XIII веке получил редакционное задание поехать на строительную площадку в Шартре, где возводился самый прекрасный – по крайней мере, на мой взгляд, – собор в мире. Ему нужно было написать об этом репортаж. Он увидел человека, который возил тачку, наполненную строительным мусором.

Замок Амбуаз, к которому мы подплываем

Мы на фоне замка Шенонсо

– Что вы делаете, месье? – спросил журналист.

– Везу строительный мусор, – ответил тот.

Журналист увидел человека, который нес на плече деревянную балку.

– Что вы делаете, месье? – спросил он.

– Несу балку, – ответил тот.

Журналист подошел к человеку, который разбивал камни тяжелым молотом.

– Что вы делаете, месье? – спросил он.

– Разбиваю камни, – ответил тот.

Журналист-летописец подошел к человеку, который подметал участок стройки.

– Что вы делаете, месье? – спросил он, уже ни на что не надеясь.

– Что я делаю? – ответил тот. – Я в Шартре строю самый прекрасный в мире собор.

Выйдя из машины и совершенно забыв о холоде, мы подошли к громадным деревянным воротам, усеянными железными коваными гвоздищами. Вокруг не было ни души. Ворота были закрыты, но мы постучались. В ответ гулко раздавалось эхо, которое уносило меня на столетия назад. Мне показалось, что в ответ откуда-то сверху, со сторожевой башни, нас окликнет человек в стальном шлеме и латах. Но нет, ворота распахнулись, и показалась фигура вполне обыденная. Чуть поклонившись, она жестом пригласила нас войти.

Как передать то чувство, которое я испытал? Сводчатые потолки уходили на десятки метров вверх, шаги гулко отражались от древних камней, и вместе с тем было ощущение тепла, какой-то домашности. Вещи, которые в принципе не сочетались, здесь сошлись воедино, создавая совершенно сказочное настроение. Я поймал себя на мысли, что остро

завидую тем, для кого этот замок когда-то был домом, — не из-за его великолепия, а потому, что человек, рожденный и живущий здесь, должен внутренне быть другим, с иным восприятием, с иными ценностями, с иным пониманием своего места в мире.

Летом 2009 года, во время наших съемок, я возвращался в Шенонсо с чувством тревожного ожидания. Как-то встретимся мы? Продолжится ли наш молчаливый диалог тридцатилетней давности? Не получится ли так, что в толпе туристов, наводняющей замок в летние месяцы, мы друг друга не услышим?

Правда, на сей раз я мог сказать: «Шенонсо, любовь моя, я не только тебя не забыл. Я узнал твою прекрасную, полную взлетов и падений историю. Когда-то на твоём месте стоял особняк, принадлежавший некоему Жану Марку. Тот особняк был сожжен в 1411 году, когда Марк был обвинен в предательстве. Через двадцать лет он построил новый замок на этом месте, а затем годы спустя его потомок Пьер, увязший в долгах, продал тебя Тома Боеру, отвечавшему за королевскую казну. Это было в 1513 году. Боер тебя разрушил и построил новый замок. Сын Боера, который по наследству сохранил должность королевского казначея, в какой-то момент перестал различать, где его деньги и где королевские. И когда это обнаружилось, ему было предложено либо лишиться головы, либо лишиться тебя. И он отказался от тебя в пользу

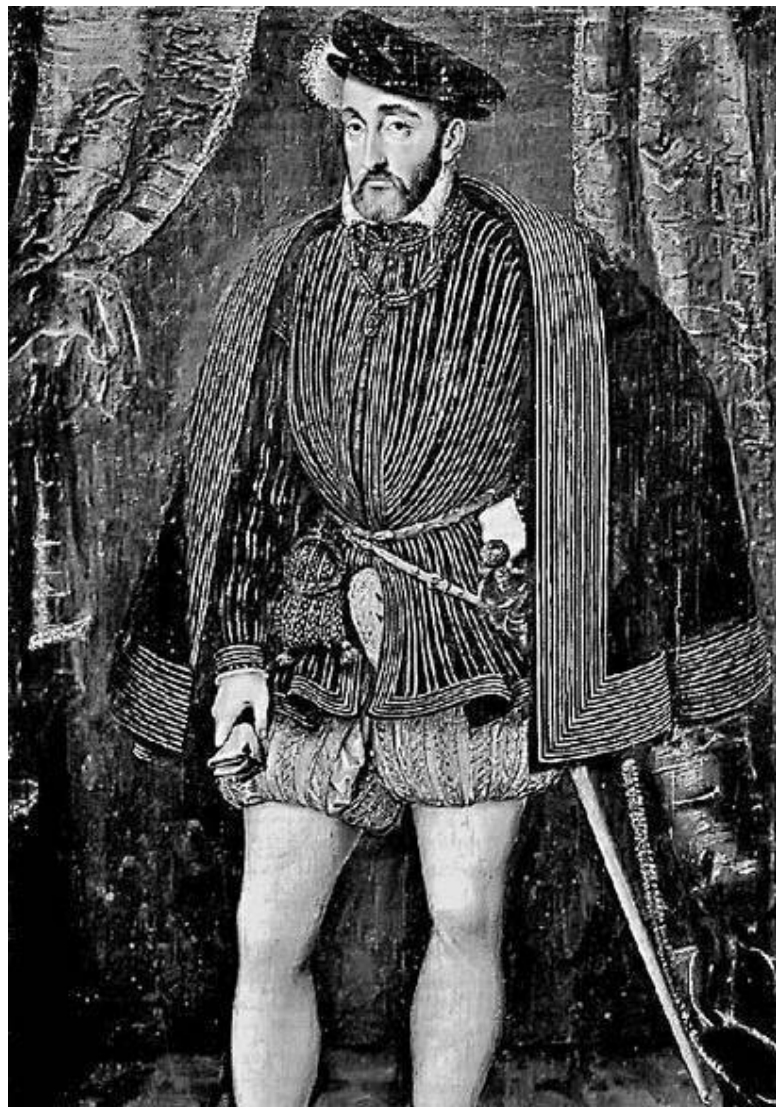
короля Франциска I, после смерти которого в 1547 году ты стал собственностью его сына короля Генриха II. И вот тогда-то началось то, что принесло тебе название «Замок женщин». Генриха женили на Екатерине Медичи, когда ему – да и ей – было всего четырнадцать лет, но он к этому времени был по уши влюблен в прекраснейшую Диану де Пуатье. А ей было тридцать четыре.

Отвлекусь на одну пикантную деталь. В первую брачную ночь четырнадцатилетний Генрих был настолько равнодушен к супруге, что никак не мог исполнить свою супружескую обязанность – настолько, что его отцу, Франциску, пришлось вторгнуться в спальню новобрачных, чтобы взбодрить свое чадо. Наутро же в это дело вмешался римский папа, дядя Екатерины, который захотел лично, «глазом и пальцем», убедиться в потере ею девственности. В дальнейшем Генрих делил ложе со своей супругой только по настоянию Дианы, беспокоившейся об отсутствии королевского потомства. Екатерина же, страстно влюбленная в Генриха, шла на всяческие ухищрения, лишь бы добиться его расположения. И даже распорядилась, чтобы пробили дырку в потолке спальни Дианы, откуда она, Екатерина, смогла бы наблюдать за эротическими приемами последней. Но и после десяти лет супружества Екатерина оставалась бесплодной, что могло служить поводом для развода. В конце концов, лейбмедик королевского двора Фернель спас ее. Он знал, что Генрих страдал от деформации полового члена, из-за которой семя из-

вергалось в сторону. Внимательно осмотрев королеву, он обнаружил и у нее некоторое физическое отклонение. Фернель прописал супругам определенную гимнастику при соитии, которая оказалась чрезвычайно удачной: за последовавшие одиннадцать лет Екатерина произвела на свет десять (!) детей. Что, впрочем, не изменило отношения к ней супруга, который оставил ее вдовой всего лишь в сорокалетнем возрасте. История не приписывает ей ни одного любовника.

Екатерина Медичи

Генрих II

Диана де Пуатье

Точной даты начала романа Генриха и Дианы не знает никто, но предполагают, что это событие произошло в 1538 году, а когда девятью годами позже умер Франциск, то сын его, став королем Генрихом II, подарил тебя Диане, нарушив тем самым закон, который запрещал отчуждение королевских владений. Ты, Шенонсо, конечно, помнишь Диану, женщину непревзойденной красоты и ума. Годы были бесильны перед ее красотой – она не менялась. Каждое утро и круглый год она нагишом купалась в холоднющей ключевой воде, питалась особыми травами, не пользовалась никакими мазями. Вот как описал ее Пьер де Бурдейль Брантом, один из самых читаемых французских писателей эпохи Возрождения: «Я видел Диану шестидесяти пяти лет и не мог надивиться чудесной красоте ее; все прелести сияли еще на лице сей редкой женщины». Куда до нее было простушке Екатерине Медичи, как могла она противостоять ей! И она, супруга короля, с улыбкой на губах и ненавистью в сердце ждала своего часа. И дождалась. В 1559 году, едва достигнув сорокалетнего возраста, Генрих скончался от раны, полученной на рыцарском турнире, – и тут Екатерина, став регентшей, изгнала из твоих стен Диану и стала твоей полновластной хозяйкой. Собственно, ты оставался ее домом до самого конца ее жизни».

Вот такая драматическая история у Шенонсо, который встретил меня прекрасными садами и огородами, посаженными еще во времена Дианы. А той суровой зимой первой встречи их было не видать. Вновь посетив замок, я понял, что он ничуть не теряет в величии от сотен визитеров, заполнивших его залы, коридоры, переходы и башни. Более того, если закрыть глаза и прислушаться к стуку каблучков и шуршанию одежд, то можно унести на четыре или пять веков назад, и тогда перед твоим мысленным взором предстанет королевский двор, люди в ярких камзолах и конечно же неслышанно прекрасная Диана. Словом, оживет история... Хочу сказать вам, что во Франции она, история, никогда не умирает. Она даже не покрывается пылью...

Тогда, три десятилетия тому назад, мы навестили и другой замок на Луаре, Амбуаз. Это было, если мне не изменяет память, третьего января. Меня тянуло в Амбуаз потому, что здесь доживал свой блестящий век человек, которого я почитаю за величайшего из всех гениев. Леонардо да Винчи. Отвлеку вас на мгновение признанием, что я не завидую никому... кроме Франциска I. Это он купил у художника «Джоконду», которая ныне составляет славу Лувра, и это он пригласил к себе в замок Амбуаз Леонардо, которого он называл своим отцом и с кем каждый день подолгу беседовал об искусстве и философии.

Так вот, тогда, походив по замку и посетив часовню, где захоронены останки да Винчи, мы, замерзшие до мозга ко-

стей, зашли в кафе «Биго», расположившееся у самого подножия скалы, на которой высится замок. Кафе было пустым, если не считать самой семьи Биго – прабабушки, бабушки, хозяйки и ее мужа да трех или четырех их детей. Все они сидели за большим круглым столом у пылающего камина и праздновали... новый, 1980 год: до этого такой возможности у них не было, поскольку они обслуживали новогодних гостей, потом сутки отсыпались. Они приняли нас с таким теплом, что даже не будь камина, мы все равно отогрелись бы мгновенно. Не верьте тем, кто говорят, будто французы негостеприимны, холодны и спесивы. Ложь это, ложь.

И теперь, когда мы с Иваном подходили к кафе, я рассказал ему о том давнем посещении, когда мне было сорок шесть лет, и задался вопросом, узнают ли меня, в чем он выразил серьезные сомнения. Вот мы вошли, и я подошел к хозяйке, стоявшей за прилавком. Не стану отвлекать вас описанием того, какие там красовались сладости, какие пирожные и торты, произведения французского кулинарного гения не давали посетителю отвести от себя глаз... Я сказал: «Бонжур, мадам». Она внимательно посмотрела на меня, широко улыбнулась и, протянув руку, сказала: «Бонжур, месье, как я рада вновь видеть вас!»

Да-да, она узнала меня, и когда я сейчас пишу об этом, то испытываю трудно передаваемое чувство радостной благодарности. Прабабушки и бабушки уже не было, но семейное дело продолжалось уже в третьем поколении, и в этой

верности делу было что-то и необыкновенное, и трогательное, и вызывающее восхищение.

Мадам Биго по нашей просьбе стала рассказывать об истории этого славного кафе, и в какой-то момент, когда она вела нас по его залам, высоченный Иван ударился головой о низкую балку перехода.

– О! – воскликнула мадам Биго, – совсем как Карл VIII!

К вашему сведению: король Франции Карл VIII, пожелав показать своей супруге самый лучший вид из замка Амбуаз на Луару, повел ее по коридору и по пути ударился головой о низкую притолоку. Поначалу казалось, что не произошло ничего страшного, но через несколько часов король занемог и умер на следующий день. Произошло это 7 апреля 1498 года. Позвольте вопрос: много ли, на ваш взгляд, хозяев кафе, кондитерских и булочных, которые бы нашли подобную параллель? Вы скажете мне, что мадам Биго, возможно, большой любитель истории? Или что она специально выучила некоторые факты, чтобы поразить ими воображение посетителей? И я отвечаю вам: нет, дело совершенно в другом. Помните, я обратил ваше внимание на то, что для французов история жива? И это вовсе не потому, что так блестяще преподают ее в школах.

Мы попали в Амбуаз в день, когда весь город празднует восхождение на престол одного из самых любимых королей Франции – Франциска I. Следует сказать, что до него Франция мало могла гордиться своими королями. После Фи-

липпа-Агуста амбициозного, Святого Людовика набожного, Карла V премудрого, Карла VI безумного, Карла VII печального, Карла VIII донкихотствующего и Людовика XII болезненного на трон наконец ворвался Франциск I. Был он атлетичного сложения, переполненный энергией и идеями, умища, обожатель женщин, гурман, – и все изменилось. Вдруг меланхолия уступила место жизнерадостности. Собственной силой он создал для Франции «прекрасный XVI век», своего рода Возрождение. При нем Франция выходит на авансцену истории, она становится первой страной Европы по народонаселению, а само население становится самым процветающим. Да, он много воевал, одерживая блестящие победы и терпя тяжелые поражения, но он строил Францию, он дважды объездил все королевство, чтобы своими глазами увидеть, как живут его подданные, он открыл страну для «итальянской прививки», что несказанно обогатило ее.

А теперь представьте: ночь, грозная крепость Амбуаз освещена прожекторами, все окна зашторены красным материалом и изнутри освещены так, что кажется, будто там, во дворце, двигаются тени тех, кто жил здесь пятьсот лет тому назад. Перед дворцом – широченная поляна, на ней горят костры. Сотни людей, одетых так, как одевались во времена Франциска I, разыгрывают разные сценки: булочник печет хлеб, ткачи ткут свои ткани, туда-сюда снуют груженные скарбом ослики, которых понукают их хозяева. Но вот заиграли трубы, и на холме чуть справа от дворца появляется

только что коронованный двадцатилетний король. Он обращается к своему народу со словами надежды и добра, а дальше разворачивается картина его жизни. Впечатление грандиозное, но более всего меня трогает и восхищает то, что здесь не актеры, нет, здесь рядовые граждане города Амбюза. Это они сшили все одежды, это они построили все декорации, это они репетировали сценки, и устраивается такой праздник ежегодно, причем участвуют все от мала до велика. Вот почему мадам Биго помнит историю – потому что для нее она живая. И конечно же не только для нее.

Перенесемся в городок Анноней, что находится на юго-востоке Франции. Городок как городок. Старый, конечно. Говорят, его название имеет римское происхождение. Но мы не приехали бы сюда, если бы...

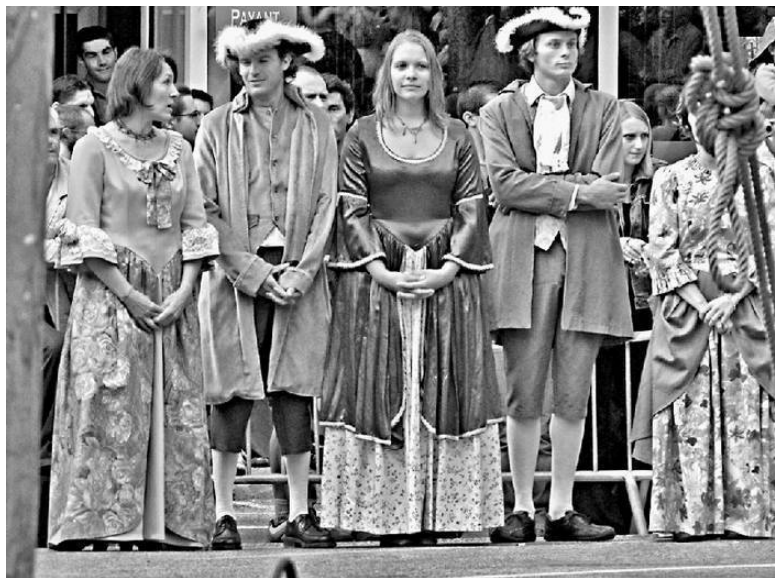
Когда-то, в середине XVIII века, в Аннонейе родились два брата Монгольфье, Жозеф-Микаэль и Жак-Этьен. В общем, люди как люди, но до чрезвычайности любознательные. С юных лет производили они всякого рода опыты, чаще всего с огнем и дымом, что в глазах горожан сделало их не то колдунами, не то волшебниками. Впрочем, это были люди исключительно добропорядочные и набожные. Как-то один из братьев с негодованием заметил, что у его жены, стоявшей около горящего камина, задралась юбка. Он начал ей выговаривать, но она сказала, что она тут ни при чем, что юбка задралась без ее участия. Тогда-то муж и сообразил,

что юбку поднял идущий от камина горячий воздух. Так родилась идея воздушного шара, позже получившего название монгольфьер.

Шестого июня 1783 года на центральной площади Аннонея собралась толпа. В огромной чаше, набитой соломой, разожгли огонь, над которым с помощью канатов держали сшитое из шелка нечто, похожее на гигантский мешок. И вот, по мере того как горячий воздух поступал в мешок, он стал надуваться. Вскоре он принял форму невиданного по размерам шара, который с трудом удерживали десяток людей. Всем командовали братья Монгольфье. «Отпустите!» – скомандовали они, и шар взмыл в небо, выше, выше, выше, пока не превратился в еле видимую точку. Пораженные горожане кричали от восторга, а шар все плыл да плыл. Целых десять минут, пока не приземлился в двух километрах от исходной точки.

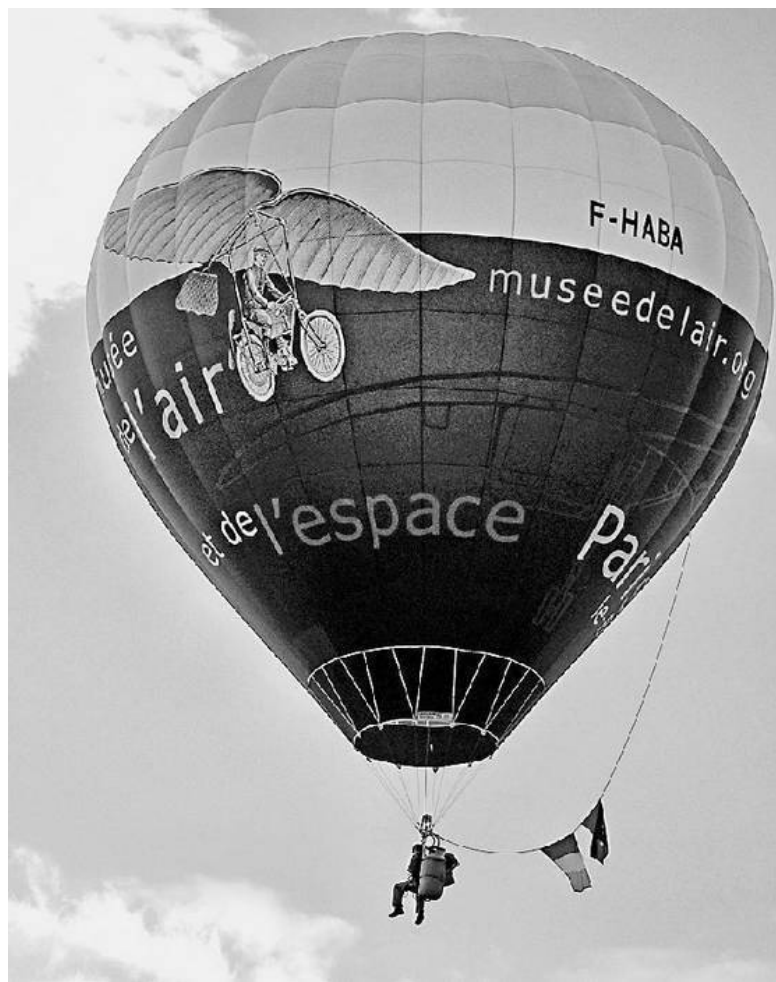
*На празнике памяти братьев Монгольфье в г.
Аннонейе*

Весь город выходит в костюмах XVIII века

Монгольфьеры над Аннонейем

Монгольфьер

Памятник братьям Монгольфье

Сейчас в небо над Аннонейем воспарит Иван

Мэр г. Аннонейя выступает на празднике

Праздник коронования короля Франциска I в Амбюазе

Замок Шенонсо на Луаре

Шестого июня 2009 года на центральной площади Аннонейя собралась толпа. Многие были одеты именно так, как горожане двести шестнадцать лет тому назад. А в центральной части площади в точности разыграли эту сцену, и тут тоже все были в соответствующих одеждах. И снова зажгли соломку, и снова надулся мешок, превратившись в шар, и снова шар взмыл в небо под восторженные крики горожан. Среди них были мы, и я снова подумал о том, как французы сохра-

няют свою историю, как для французских детей братья Монгольфье и их детище абсолютно живы, а не покрыты пылью времен.

Ах, да, забыл сказать две вещи: 19 сентября того же 1783 года братья Монгольфье демонстрировали свой шар королю Людовику XVI и королеве Марии-Антуанетте. При этом в корзину, привязанную к шару, были погружены баран, утка и петух. Шар держался в воздухе восемь минут и плавно сел в полутора километрах от места взлета. Животные остались целыми и невредимыми. Второе, о чем я забыл сказать, заключается в том, что братья Монгольфье первыми в мире изобрели летательный аппарат. Повторяю, первыми в мире. И для сомневающихся во французском техническом гении могу сказать, что и по сей день Франция остается одной из главных стран по разработке самой передовой техники.

Глава 2

Во Франции, как в Греции, все есть

Слышу ваши возражения: «Ну, Владимир Владимирович, это вы хватанули! Франция – это страна вина, сыров, кулинарии, моды, духов, люкса, но уж никак не передовой техники!» Никак, говорите вы? Что ж, поглядим...

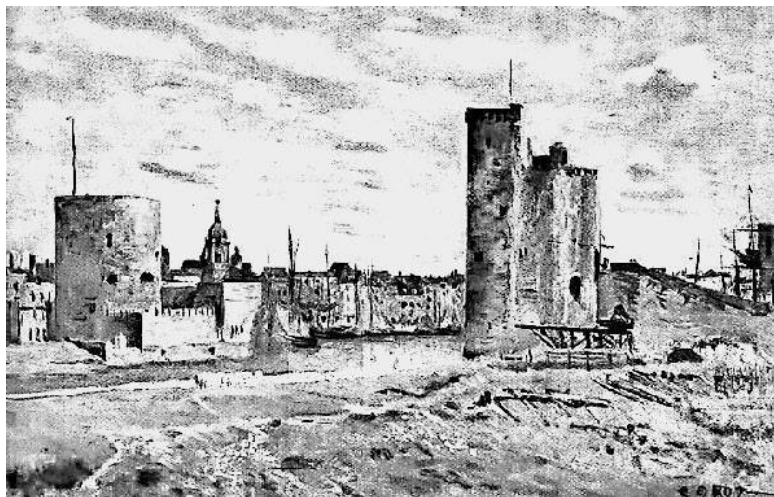
Говорит ли вам что-нибудь название «Ла Рошель»? Если нет, значит, вы не читали и одну из самых замечательных в мире книг «Три мушкетера» Александра Дюма. Именно там, в портовом городе Ла Рошель, а вернее, на его окраине, в полуразрушенном форте, собрались для серьезного разговора Атос, Портос, Арамис и д'Артаньян.

Туда поехала и наша съемочная группа. Не для съемки крепости – она, увы, уже давно исчезла. Мы прибыли туда для посещения завода, на котором производят ТЖВ, **Train à Grande Vitesse**, «поезд высокой скорости». Завод как завод, дело не в нем, а в том, что именно здесь создавался и создается первый в Европе скоростной поезд. Его рекорд – он остается мировым – составляет 574,8 км/ч. Когда 27 сентября 1981 года первый ТЖВ пошел по полотну Париж – Лион, многие предсказывали, что этот показательный проезд будет первым и последним. На заводе рабочие вспоминают об этом со смехом. «Наш поезд, – говорят они, – лучший в мире, лучше японского, китайского, немецкого, английского и испанского. Он быстрее, безопаснее, комфортабельнее, экологически чище и, главное, объезжает фактически всю страну». Как я сказал, завод как завод, ничего особенного, сам по себе большого впечатления не произвел.

Чего нельзя сказать о гигантском заводе в Тулузе, где собирают самый большой пассажирский реактивный самолет в мире – аэробус А380. Поражают три вещи: размеры, чистота и тишина. Что до размеров ангара, в котором идет сборка фюзеляжа и крыльев, то затрудняюсь подобрать подходящий эпитет. Громадный, гигантский, необъятный... В общем, **ОЧЕНЬ БОЛЬШОЙ**. Чистота такая, какая встречается

только в общественных туалетах Швейцарии и в некоторых больницах. И тишина. Никаких тебе громких голосов, никакого стука, лязга, рева. А рабочих сотни, и они работают. Все в аккуратнейших формах и защитных шлемах, какие и нам пришлось надеть, когда нас допустили к съемкам сборки одного самолета. Вообще это дело секретное, поэтому нас сопровождали «гиды», а точнее, члены местной службы безопасности, которые внимательно следили за тем, куда были направлены камеры наших операторов и наши фотоаппараты. Облазили весь самолет, для чего пришлось подниматься по пяти этажам окружавших его лесов.

Помните, в начале книжки я знакомил вас с одним из наших операторов, Евгением Переславцевым, который вечно исчезал в поисках «кадра»? Исчез он и тут – не без последствий. Когда мы, казалось, завершили съемки и собрались небольшой группой перед самолетом, к нам подошел начальник службы безопасности и довольно грозно спросил: «Где второй оператор?»

Стали искать. Вернее, была устроена форменная облава. Сейчас самое время сказать, что нет более жесткой и неприятной в мире полиции, чем французская. Ее боятся. Служба безопасности – это все та же полиция, пусть в другой форме и с другими задачами. В общем, мы почувствовали себя очень неудобно. Женю нашли и привели – хорошо, что не в наручниках. Потребовали, чтобы показали, что он наснимал. Показали. Потребовали, чтобы кое-какие кадры стерли. Я опасался, что отнимут все съемки и нажалуются начальству в Париж. К счастью, обошлось, но настроение было основательно испорчено. Было еще одно маленькое приключение: мы попросили разрешение взять интервью у какого-нибудь рядового рабочего. Его, молодого человека лет тридцати, подвели к нам в дальней части ангара, откуда выкатывают на взлетно-посадочную полосу уже готовый, но еще не покрашенный самолет. Основная покраска происходит в Германии, во Франции же окрашивают лишь хвостовое опере-

ние, чтобы можно было понять, какой авиакомпании принадлежит самолет. Рабочий был, как говорится, подготовлен: все хорошо, никаких жалоб, замечательная работа, останется здесь на всю жизнь. Меня сразу перенесло в СССР и слегка затошнило.

Позже, когда мы посетили авиасалон Ле Бурже под Парижем, мы стали свидетелями показательного полета А380. Глядя на то, как этот исполинский летательный аппарат грациозно плывет в небе, я вспомнил слова, которые много лет назад я услышал от Андрея Николаевича Туполева:

– Если самолет некрасивый, он не полетит.

А380 – абсолютный красавец.

И еще о самолетах: именно Франция вместе с Великобританией создала первый в мире сверхзвуковой пассажирский самолет «Конкорд», на котором я имел счастье летать дважды: из Нью-Йорка в Лондон и обратно. Это была сказка. Сидишь в глубокое, как в гоночном автомобиле, кресло, самолет трогается с места, набирает скорость и взмывает вверх почти (или так кажется) вертикально. А потом... зависает. Нет, конечно, не зависает, но кажется, что именно это он и делает, потому что не ощущается никакого движения вообще. Никаких тебе воздушных ям, полная тишина. Вот так и висишь три с половиной часа – ровно столько потребовалось ему, чтобы пересечь Атлантику и оказаться в Лондоне. Поразительно.

«Конкорд» уже давно не летает, но на территории завода «Аэробус» выставлен для посещения один экземпляр. Меня там принимал Жак Рокка, старый летчик, который говорил о самолете с такой же нежностью, как иной говорит о своей любимой собаке.

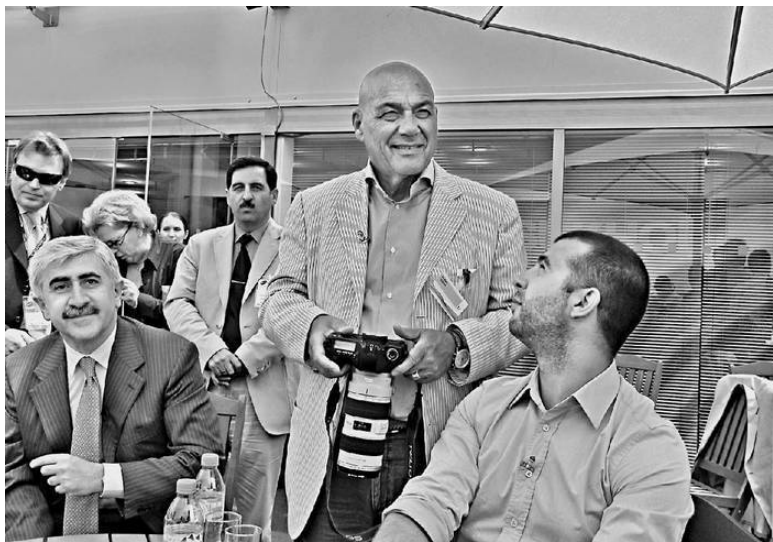
– И все-таки, почему отказались от «Конкорда»? – спрашиваю.

– Во-первых, месье, – отвечает он (замечу, что обращение «месье» и «мадам» у французов совершенно обязательно), – из-за финансовых соображений. Посудите сами: на сто километров полета «Конкорд» сжирал 18 литров керосина на пассажира, что в шесть раз больше, чем потребляет аэробус A380. Во-вторых, «Конкорд» наносит серьезный ущерб экологии. В-третьих, после использования самолетов террористами в Нью-Йорке одиннадцатого сентября авиакомпания

перестали покупать «Конкорд», боясь того, как бы террористы не воспользовались им. Так что больше, месье, он не полетит.

И нежно погладил приборную доску.

На этой же территории расположен музей старых самолетов. Их множество из самых разных стран, в том числе из СССР. Все они кропотливо восстановлены организацией «Старые крылья». В организации в основном вышедшие на пенсию мужчины, влюбленные в самолеты. Они собирают их по крохам, это их хобби. По-французски то, чем они занимаются, называется bricolage, слово не имеет точного перевода на русский, хотя этим самым «бриколажем» занимаются миллионы французов. Французско-английский словарь дает перевод do it yourself, буквально «сделай сам».

*В Ле Бурже. Слева от нас – директор «Сухого»
Михаил Погосян*

Самолет Аэробус А380 – это самый крупный серийный авиалайнер в мире.

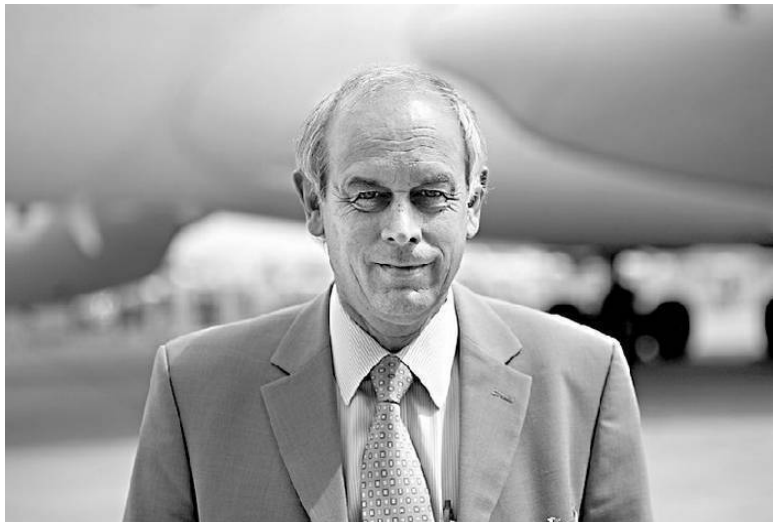
На сегодняшний день он превосходит по вместимости «Боинг-747», который может перевозить до 469 пассажиров и который являлся самым большим лайнером на протяжении 36 лет. Вместимость аэробуса – до 853 пассажиров. Также он является самым экономичным из больших лайнеров. На разработку А380 ушло около десяти лет. Обозначение А380 – это разрыв между предыдущими Airbus, обозначавшимися в последовательности от А300 до А340.

Обозначение А380 было выбрано по причине того, что цифра 8 напоминает поперечное сечение

этого двухпалубного самолета. К тому же число 8 считается «счастливым» в некоторых азиатских странах-заказчицах. Заключительная конфигурация самолета была утверждена в начале 2001 года, и производство первых компонентов крыла A380 началось 23 января 2002 года.

Главные структурные секции авиалайнера строились на предприятиях во Франции, Великобритании, Германии и Испании. Из-за их размеров в Тулузу они транспортировались не самолетом A300—600 Beluga (используемым для транспортировки деталей других самолетов Airbus), а наземным и водным транспортом, хотя некоторые части перевозились при помощи самолетов Ан-124.

Питер Чандлер, летчик-испытатель аэробуса A380

Юрган Томас, представитель компании «Аэробус»

На самом кончике торчащего мыса Нормандии находится город Ла Аг. Там расположен завод по переработке ядерного топлива. Тема это тонкая. Известно, что АЭС с точки зрения экологии безупречны. Оставляю в стороне вопрос о возможной аварии, поскольку он имеет отношение не к выработке электроэнергии, а к надежности самой станции. Но есть одна существенная проблема: что делать с отработанным ядерным топливом? Оно сохраняет свою смертельно опасную ра-

диоактивность в течение сотен лет. Франция стала по существу главной страной по решению этого вопроса.

Когда мы приехали, нам сразу дали понять, что здесь все обстоит предельно серьезно: запрещено снимать и фотографировать все, что имеет хоть какое-либо отношение к безопасности, включая камеры слежения и даже сам персонал. Другими словами, никто за пределами завода не должен знать ничего о том, как именно здесь обеспечена безопасность. Затем, после короткого внушения, нам предложили полностью переодеться – правда, позволили остаться в собственном исподнем. Дальше занялся нами не кто-нибудь, а директор завода Доминик Гийото. Он рассказал, что при переработке использованного топлива восстанавливается 96 процентов (из которых 1 процент плутония и 99 процентов урана). Лишь 4 процента использованного топлива не поддается повторному использованию. Что касается восстановленных 96 процентов, то они сохраняются в специальных контейнерах, где ждут своего часа. Услугами завода пользуются не только французские АЭС, но и голландские, немецкие, бельгийские, итальянские и японские. Сами понимаете, платят они за эти услуги весьма солидные деньги. Когда я спросил, сколько именно завод зарабатывает таким образом в год, мне сказали, что это коммерческая тайна.

А что же оставшиеся и весьма радиоактивные 4 процента? Нам показали, как их «остекленевают»: роботы заливают их плавленным стеклом, в результате чего получаются тол-

стенные стеклянные чурки с полевым радиоактивным фоном. Чурки эти будут захоронены в глубочайшие подземные шахты, где они будут дожидаться того часа, когда научатся уничтожать их содержимое.

Надо понимать, что у Франции нет ни нефти, ни газа, ни угля в достаточном количестве, чтобы обеспечить свою энергетическую независимость, что и привело в свое время президента де Голля к решению делать ставку на ядерную энергетику: более 80 процентов всей бытовой электроэнергии Франции обеспечивается именно этим. Не могу не признать, что завод произвел на меня сильное впечатление, но вместе с тем я все время испытывал какую-то опасность. Она, по крайней мере для меня, как бы висела в воздухе.

На следующий день мы встретились с Дидье Анже, одним из борцов против использования ядерной энергетики. Несмотря на свои семьдесят лет, он с юношеским задором излагал свою точку зрения.

– Во-первых, – сказал он, – в Ла Аге не менее двух человек были облучены, они это отрицают, но это так. Во-вторых, дело на самом деле в личных финансовых интересах компании, которая владеет заводом и хозяином которой является один из министров в правительстве президента Саркози. В-третьих, во Франции уже нет урана, приходится добывать его в Нигерии, а значит, так называемая энергетическая независимость, которую дают Франции АЭС, – полная чушь.

Потом, уже в Париже, когда я задал этот вопрос Бер-

нару Биго, директору Комиссариата по атомной энергетике (СЕА), высокопоставленному государственному чиновнику, носящему в петличке пиджака красную розетку высшего ордена Франции, он со снисходительной улыбкой ответил, что у Франции хватает отработанного и восстановленного урана на тысячу лет, так что, сами понимаете, месье, все эти возражения не стоят внимания.

Ясно, что кто-то врет. Вопрос: кто? Так или иначе, Франция продолжает развивать ядерную энергетику, в чем мы смогли убедиться, посетив строительство новейшей АЭС совсем недалеко от Ла Ага, в городке Фламанвиле. Правда, нам было позволено посмотреть на грандиозную стройку лишь издали, снимать можно было только под определенным углом и только некоторые объекты, а в просьбе поговорить хотя бы с одним-другим строителем нам было отказано.

Так или иначе, факт остается фактом: в области развития и использования ядерной энергетики Франция занимает самые передовые рубежи.

Будучи в Тулузе, я был... на Марсе. Фигурально выражаясь, конечно. Это произошло во время посещения Национального центра изучения космоса (CNES). Представьте себе нечто похожее на небольшую пустыню – размером в полтора-два гектара. Земля красноватая, то тут, то там барханы, вся площадь усеяна камнями и булыжниками. Словом, модель поверхности Марса. На одном из ее краев что-то вро-

де весьма благоустроенного сарая. А в сарае – робот, нечто похожее на луноход, русского производства. К сожалению, на ремонте, так что я не увидел его в работе, но, как объяснил мне техник, при запуске по «Марсу» он дает совершенно точную картину того, как себя поведет «марсоход» на красной планете. Как говорится, дешево и сердито: русский хайтек в сочетании с французской логикой. Производит впечатление.

К нашему приходу отменно подготовились. Сначала нас принял директор Центра Марк Перше, из рассказа которого стало совершенно понятно, что Франция, благодаря решению де Голля (опять де Голль!) создать Центр, находится на «ты» с космосом. Затем мы были переданы Лионелю Сюше, который отвечает за все международные проекты. Он, как оказалось, превосходно говорит по-русски. Почему?

– Да потому, – ответил он, – что мы плотно работаем с Россией. Я часто бывал и бываю в вашем Звездном городке, дружу с вашими космонавтами, учеными и техниками, это потрясающие специалисты и симпатичнейшие люди.

– С американцами тоже работаете?

– Разумеется.

– Уж извините за бестактный вопрос, но с кем вам проще работать – с русскими или с американцами?

– Безусловно, с русскими.

– Почему?

– Они более открыты, сердечны, с ними так: раз работаем

вместе, значит, открыты все двери. Американцы держатся не так.

Словом, очень любит русских.

Потом пошли в столовую пообедать. Я вас не удивлю, если скажу, что еда вкуснейшая, ведь мы во Франции. Но удивлю, если скажу, сколько стоит обед – полный, до отвала, с вином. Три евро.

Дальше последовал зал слежения за спутниками. Это что-то из области научной фантастики. Весь огромный зал: стены, потолок, пол – все покрыто каким-то серым губчатым материалом, напоминающим картонную тару для яиц. Это сделано для полного заглушения любых посторонних звуков. Кроме того, высятся какие-то исполинские аппараты, смысл которых я даже и не старался понять, несмотря на все объяснения... А потом нас допустили на совершенно секретный объект: зал, где готовят новые спутники. Уже в который раз пришлось переодеться во все совершенно чистое, подверглись чистке и камеры наших операторов. В зале не должно быть ни одной пылинки. Там работают люди, но тишина такая, что собственное сердцебиение кажется громким.

Когда мы вернулись в основное здание, я обратил внимание на модель какой-то старинной башни, стоявшей на постаменте в одном из углов зала, и спросил нашего гида, что это?

– Это, – последовал ответ, – башня Святого Сернина, и если вы там не побываете, вы напрасно приехали в Тулуз.

– Обязательно будем, – ответил я. – Но почему модель этой башни стоит здесь, в космическом центре?

Гид улыбнулась и сказала:

– Видите, башня устремлена в небо, зовет ввысь – как и мы.

Однажды вечером 29 мая 1671 года крестьянин из Тулузы Раймон Лавье увидел в своем винограднике «необычную карету». Схватив топор, он выскочил из дома, чтобы разделаться с вором, но вдруг увидел, что в винограднике у него вовсе не карета: в темноте светилось нечто, похожее, как он потом рассказывал, на двухъярусный круглый шатер. Месье Лавье был, однако, не из робкого десятка и, сжав топорище еще сильнее, двинулся на «шатер». Но приблизиться он не успел: «шатер» поднялся в воздух, медленно двинулся в сторону Тулузы, потом сверкнул и мгновенно исчез. Месье Лавье пошел к кустам винограда и с возмущением убедился, что в этом месте они поломаны. Он заметил также, что земля оставалась теплой.

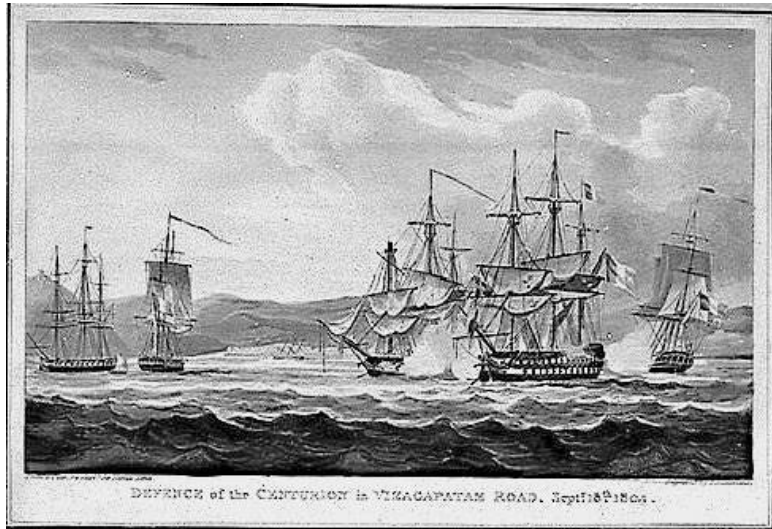
Кто это сказал, что Эйфелева башня портит Париж?

В этот 1671 год, не отличавшийся во Франции особенно хорошим урожаем винограда, месье Лавье собрал (если верить источникам) десятикратный против обычного урожай. В последующие годы удача продолжилась, о винограднике Лавье стали говорить по всему побережью, удача сопровождала его семью, его потомки перед революцией 1789 года владели несколькими большими ресторанами в Париже и даже заседали в парламенте.

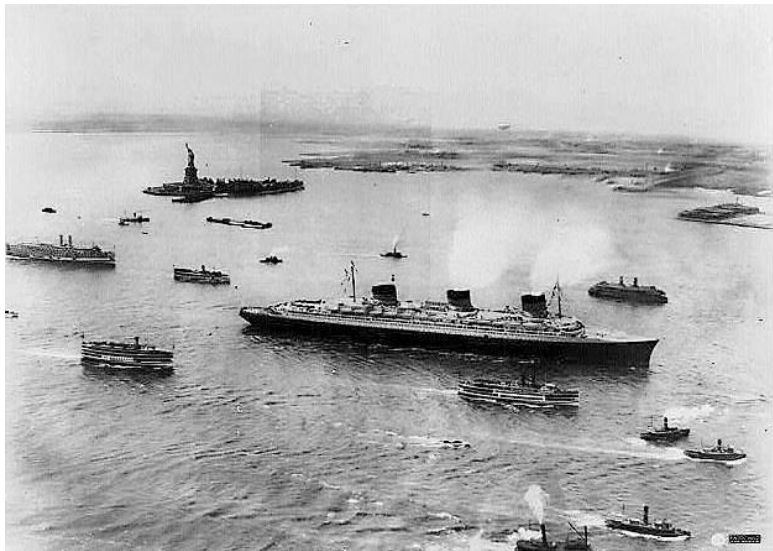
Эту прекрасную историю рассказал мне месье Сюше в качестве «закуски». «Основное блюдо» же заключалось в том, что еще в 1977 году Национальный центр создал специальную группу ЖЕПАН (GERPAN) по изучению «неотождествленных аэрокосмических объектов», проще говоря – НЛО. ЖЕПАН собирал все данные национальной жандармерии, армии, ВВС, ВМФ и гражданской авиации. Анализом этих сообщений занималась (и занимается) группа из сорока экспертов: психологи, астрономы, метеорологи, специалисты по физике атмосферы, по космической технологии, по зондам и баллонам. В состав ЖЕПАН входит группа быстрого реагирования, группа анализа следов, сбора и обработки первичной информации и т. д.

ЖЕПАН, постепенно отсеивая различные «свидетельства», сузил свои проверки до одиннадцати французских случаев, в высшей степени достоверных и в высшей степени необычных. Они были исследованы в высшей же степени подробно. В результате только двум из них нашли традиционное объяснение. В остальных девяти случаях расстояние между очевидцем и объектом было не больше двухсот пятидесяти метров. Отчет занимает пять томов, из которых три целиком посвящены анализу этих одиннадцати случаев. Все они, кроме того, произошли в 1978 году. Два из них связаны с наблюдением гуманоидов.

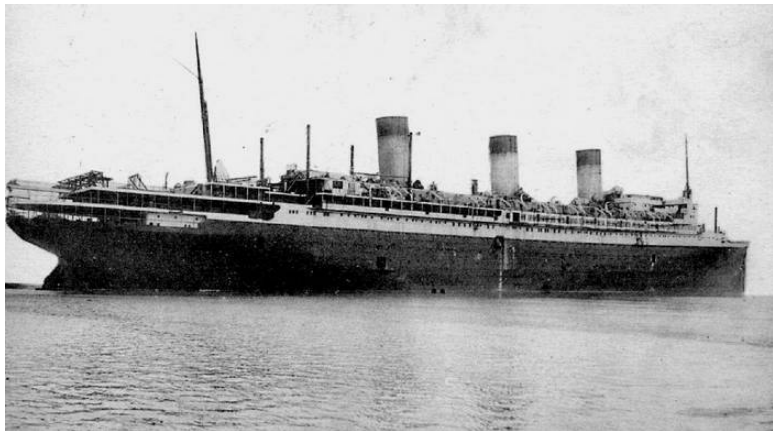
Французский флот – как пассажирский, так и военный – во всей своей красе

*Французский линейный корабль «Маренго». Битва с
британцами, начало XIX века*

*Прибытие легендарного французского лайнера
«Нормандия» в Нью-Йорк. Начало XX века*

Лайнер «Иль де Франс» на стадии отделки. Начало XX века

Военно-морская база ВМФ Франции в Тулоне

Корабль «Гепард»

Капитан-красавец, отец пятерых детей Бенуа Куро

Фантастика? Слушайте дальше: был сделан вывод, что в девяти из одиннадцати случаев очевидцы наблюдали материальные явления, *которые нельзя объяснить как явление природы или как устройство, созданное человеком.* Один из выводов по отчету в целом гласит, что за этим явлением сто-

ит «летательный аппарат, источник тяги и способ перемещения которого находятся за пределами нашего знания».

Авторы приходят к выводу, что в этих случаях очевидцы наблюдали реальные физические феномены, которые не могут быть объяснены известными нам явлениями природы или техническими изделиями.

– Мы относимся к этому выводу со всей серьезностью, – говорит Сюше, – ибо он получен в результате тщательно-го исследования, проведенного группой компетентных лиц, вполне сознающих свою ответственность.

С 1985 года ЖЕПАН продолжает свою деятельность в рамках новой службы СЕПРА (Служба экспертизы атмосферных явлений). А в 2007 году Франция стала первой (и пока чуть ли не единственной) страной в мире, открывшей свои архивы наблюдений за НЛО.

– Будь это не так, – с улыбкой говорит Лионель, – я бы, как русские говорят, ни хрена бы вам не рассказал об этом.

Следующий пункт назначения – все в том же Тулузе – ENAC, Национальная школа гражданской авиации. Она относится к так называемым **grandes écoles**, буквально «большие школы». И тут мне придется отвлечься.

Во Франции высшее образование делится на два типа – университетское и «большие школы». Согласно закону, все университеты обязаны принять любого абитуриента, живущего в данном городе и имеющего аттестат об окончании ли-

цея (замечу в скобках, что все обучение – от школы и выше – во Франции бесплатное). «Большие школы» – это совсем другое дело. В этих школах, которые большей частью были созданы после революции 1789 года (хотя многие появились и в XIX веке), готовится элита Франции. Элита научная, гуманитарная, экономическая и управленческая. Для поступления в «большую школу» после окончания лицея необходимо готовиться два, иногда три года в специальных подготовительных классах. Можно попытаться поступить и без этого, но это удастся буквально единицам. Вступительные экзамены, письменные и устные, продолжаются в течение нескольких недель. По их итогам абитуриентов распределяют по номерам: сдал первым номером, вторым и так далее. Проходят далеко не все. Не прошедшим позволяют готовиться еще год, но если они опять не пройдут, их путь лежит в университет.

Так вот, ENAC относится к «большим школам». Здесь не только учатся бесплатно, здесь в ряде случаев студентам платят стипендию в размере двух тысяч ста евро в месяц в течение всех трех лет учебы. Но за это надо будет отработать по распределению, то есть на государство, семь лет. Если выпускник самостоятельно находит работу в частном секторе, его наниматель обязан вернуть школе всю полученную им за годы учебы сумму (тридцать шесть умножаем на двенадцать, выходит семьдесят пять тысяч шестьсот евро).

Должен сказать, что я испытал некоторое чувство разочарования, узнав, что среди студентов нет ни одного из Рос-

сии, хотя многие другие страны представлены. Школа оборудована современной аппаратурой, преподают блестящие профессора, уровень наивысший, школа котируется во всем мире. А наших там нет. Почему?

Был очень любопытный и полезный разговор с президентом школы Фаридом Зизи. Мама его немка, отец алжирец, сам он, вне всякого сомнения, француз, выпускник одной из самых престижных «больших школ» Франции, Политекник.

– Каков уровень образования студентов сегодня по сравнению с тем временем, когда студентом были вы? – поинтересовался я.

– Он заметно ниже. Когда телевидение и Интернет заменили чтение, то есть когда учеба стала, скажем так, пассивной, уровень снизился. Да и приоритеты сменились.

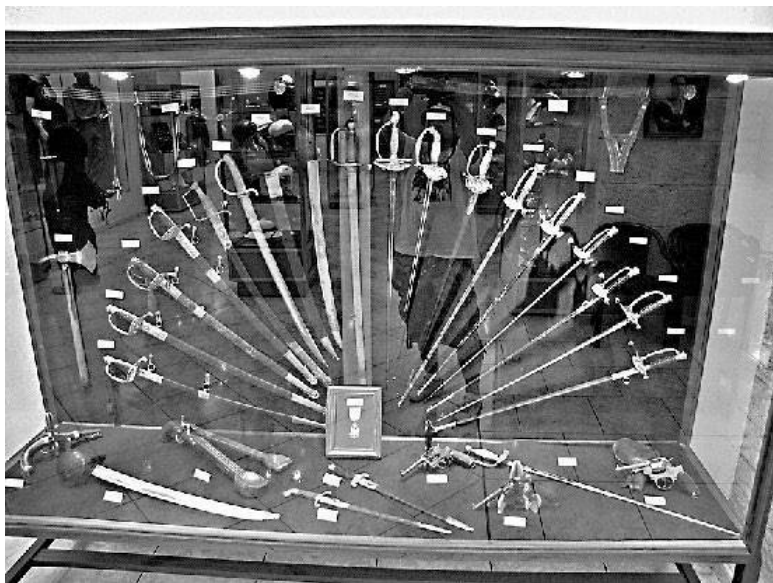
– Каким образом?

Герб города Тулон

В Музее истории ВМФ Франции в Тулоне

– Мы думали прежде всего и главным образом именно о профессии. Нынешние молодые люди думают прежде всего и главным образом о деньгах. Стремятся получить как можно больше, как можно быстрее. И это приводит к падению уровня образования – и не только во Франции, как мне кажется.

Конечно, мы походили по Тулузе. Особо рассказывать об этом не стану, в конце концов, это не туристический гид. Скажу лишь, что Тулуза утопает в истории, ей больше двух тысяч лет, и эта история живет на ее улицах и площадях. Еще скажу, что она поразительно красива: изначально она строилась из особого, сделанного древними римлянами кирпича, что видно и по сей день: в утренних лучах солнца город кажется розовым, днем – оранжевым, а к вечеру – фиолетовым. Это незабываемо.

Говоря о Тулузе, чуть не забыл рассказать вам о нашем посещении другого города, Тулона, куда мы поехали, чтобы посетить противоподлодочный крейсер французских ВМС.

Те из вас, которые смотрели наш фильм «Одноэтажная Америка», возможно, вспомнят и то, как в городе Норфолке, штат Вирджиния, самой крупной военно-морской базе США, нас фактически выгнали с корабля за то, что я задавал матросам «политические» вопросы. Мне было интересно, повторится ли то же самое во Франции?

Не повторилось.

Для начала нас принял и дал нам интервью комендант базы Паскаль Вилз, то есть мы были приняты на самом высоком уровне. Во время интервью он заметно нервничал, но на вопросы отвечал прямо и твердо, как и положено человеку военному. Был счастлив, когда интервью закончилось.

Затем мы посетили Музей истории военно-морского флота, где самым интересным были толстенные и стариннейшие

(с XV века) фолианты, в которых содержалось скрупулезное описание тех, кого за то или иное преступление приговаривали к каторге на галерах. Поразили три вещи. Во-первых, каким удивительно красивым почерком заносились данные. Во-вторых, насколько подробно описывался каждый человек. Упоминалось все: рост, вес, цвет волос, цвет глаз, форма лба, носа, губ и подбородка, брови, уши и, разумеется, любые «особые приметы»: бородавки, пятна, шрамы и так далее. Я только потом сообразил, почему это было необходимо: в те времена не было фотоаппаратов, невозможно было запечатлеть лицо каждого преступника, вот и описывали со всеми подробностями. В-третьих, за какие преступления и как наказывали. Например, записано: такой-то зарезал такого-то в драке. Приговорен к пяти годам на галерах. Или: такой-то ограбил на дороге купца такого-то. Приговорен к пожизненной каторге на галерах.

Так мы ехали...

Памятник погибшим морякам

MUSEE
DE LA
MARINE

У Музея ВМФ. Что-то я устал...

– Как это так, – спросил я у заведующей музеем, – за убийство – пять лет, а за ограбление – пожизненную каторгу?

– Месье, – ответила она, – в те времена все дороги принадлежали королю, следовательно, любое преступление, совершенное на дороге, считалось преступлением против короля. А это куда серьезнее, чем убийство.

Хотел бы вам заметить, что у французского флота, отцом-основателем которого считается король Генрих IV (1553–1610), давние и славные традиции, но, пожалуй, главным подвигом считается решение затопить весь флот в тулонской гавани, чтобы он не достался немцам (1940).

Итак, после музея мы отправились на корабль «Гепратт», где прямо у трапа нас встретил командир корабля капитан Бенуа Куро. Встретил и не отпускал от себя ни на шаг: провел по всему кораблю, лично все объяснял, отвечал на все вопросы, в том числе на сугубо личные («Вы женаты?» – «Да». – «Дети есть?» – «Есть». – «Сколько?» – «Пять». – «Пять?!» – «Да, месье, пять».) Высокий, стройный, артистичный, красивый, улыбчивый капитан Куро пленил всю съемочную группу своим французским обаянием, показал нам то, что хотел показать, не показал ничего такого, чего показывать не хотел, и выпроводил нас с корабля так ловко и любезно, что мы и сообразить не успели, что экскурсия закончена.

Нет вопросов, французские военные оказались куда умнее и ловчее своих американских коллег...

Я надеюсь, что убедил вас в том, что Франция – не только страна вина, еды и так далее. Но я ничего не сказал вам еще об одном французском открытии, быть может, самом главном...

Глава 3

Art, Artisanat, Artiste, Artisan

Январским днем 1896 года в единственном зале кинотеатра «Эдем» собралось несколько десятков зрителей, никогда прежде не видевших кино. Вот погас свет, и на экране показался перрон вокзала города Ла Сиота. Вдали появился поезд. Он приближался и приближался, вот он занял весь экран – и зрители повскакали со своих мест, бросились к выходу. Им показалось, что потерявший управление паровоз сейчас прорвет экран и врежется в зрительный зал. Так состоялся публичный показ одного из первых фильмов братьев Люмьер. Длился этот фильм всего лишь пятьдесят секунд – пятьдесят секунд, которые и в самом деле потрясли мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.